

Правда. - 1994 - авг. - с. 2

Закономерности и странности судьбы

В моем книжном шкафу на отдельной полке — почти все сочинения В. Пикуля. На некоторых есть его личные дарственные надписи. Одна из них — самая первая — мне особенно дорога, она живо напоминает то волнение, с каким я шел в гости к известному писателю, не будучи еще знаком с ним лично. На синем двухтомнике знаменитого «Слова и дела» написано: «Милому человеку — Олегу Алексеевичу Мешкову — коллегиально! Вал. Пикуль. 24.05.80. Рига». Характерно, что так быстро и эмоционально Валентин Саввич писал эти строки, что на одной из них слегка порвал бумагу заглавного листа. Кстати, он всегда работал острым железным пером и на хорошей белой бумаге. В ходе работы простая ручка его часто поклеивала обыкновенную чернильницу, а вещи получались необыкновенные! Вспомнил я о порванной бумаге не случайно: крошечная, казалось бы, деталь, а вот достаточно ярко характеризует человека. На его эмоциональность, даже какую-то нервную закрученность я невольно обратил внимание при первой же нашей встрече. Энергия в этом человеке с круглой коротковолосой головой прямо-таки бурлила. А дело было так.

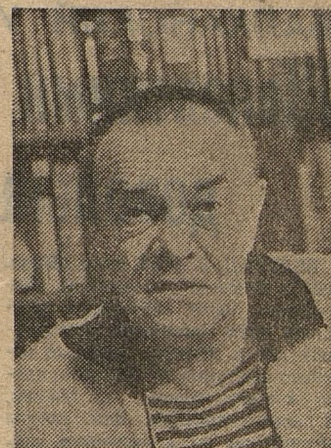
В редакции мне, собору по Латвии, поручили взять интервью для «Правды» у писателя. До этого мне приходилось уже встречаться по работе со многими знаменитостями, а здесь вот очень волновался. Наверное, потому, что к тому времени уже взахлеб прочитал несколько его романов и успел оценить талант. Валентин Саввич в телефонном разговоре любезно пригласил заглянуть к нему эдак денька через два: «Я сам вам позвоню». И вот по вторичному уже приглашению ид.

В писательском доме были установлены мудреные запоры на дверях в подъезде, и Валентин Саввич сторожил мой приход из окна. И у самого писателя квартира запиралась как сейф с несметными сокровищами. Да и то сказать — богатство там и впрямь было огромное.

Я ахнул, когда встретивший меня в яркой ковбойке хозяин проводил в кабинет: такого обилия книг в частной библиотеке я не видел. И к тому же настоящее собрание книг-раритетов. Помню, Валентин Саввич сказал тогда: «Зарабатываю я теперь немало. Но почти все трачу на книги. Другие писатели покупают дачи, машины, любовниц заводят. А я — все на книги». И пояснил: «Я ведь са-

то и рискованным по тем временам. Это сейчас об уничтожении могил русских героев на Бородинском поле мы говорим открыто как о варварстве, а тогда эти факты были под запретом. Валентин Саввич был приятно удивлен мгновенной и без купюр публикацией материала. Отношение его после этого к газете стало другим — более теплым. Впоследствии он не раз печатался в «Правде», а не-

Книга Сергея Смирнова о защитниках Брестской крепости потрясла молодого Пикуля. «Догадка осенила меня, — вспоминал Валентин Саввич. — Что-то подобное в нашей истории уже было, а значит, это уже наша национальная традиция, формирующая национальный характер. Конечно, это — Баязет. Русские солдаты без воды и пищи стояли насмерть, защищая эту крепость». Так появилась

изумительный портрет. Забавным было и такое замечание жены писателя Антонины Ильиничны: «Когда Валя пишет по ночам, он то гомерически хохочет, то ругается, то с кем-то спорит. Так увлекается, входит в роль». А сам писатель сказал мне однажды о своей работе: «Надоело до чертиков! С отвращением вставляю первый лист в пишущую машинку, ну а дальше потихонечку пошло-поехало, и все забываю. А в общем-то работа каторжная».

Вот так создавались прекрасные романы и повести, до сих пор они считаются одними из самых популярных у читателей разных возрастов, национальностей, профессий. Это действительно писатель от Бога. И то, что он написал в своем посвящении «коллективно» — мне, не имеющему никакого отношения к профессиональной литературе, — это от широты его души.

Пикуль закономерно стал большим писателем — природа одарила его редким талантом. Но наряду с закономерностью есть в его судьбе и некая странность: отец писателя, будучи солдатом, погиб при обороне Сталинграда. Сын солдата — писатель Пикуль — умер в самый разгар работы над романом об обороне Сталинграда. Винтовка выпала из рук убитого солдата. Ручка с железным пером бессильно упала на белое поле бумаги. Он умер за своим огромным письменным столом — это было его поле боя.

«Кончился завод жизни» — так говорил о смерти мудрый Лев Толстой.

Олег МЕШКОВ.
(Корр. «Правды»).

г. Рига.

Почитатели таланта русского писателя Валентина Пикуля провели в Риге литературный вечер, посвященный его творчеству. Мероприятие было приурочено к дню его кончины. На кладбище, где похоронен Пикуль, в этот день был установлен скульптурный памятник, изготовленный латышским скульптором М. Даце. Жена писателя Антонина Ильинична Пикуль открыла на общественных началах библиотеку, которой могут пользоваться все желающие.

моучка, с пятиклассным образованием, все узнавал и узнаю сам».

Валентин Саввич относился к «Правде» тогда, мягко говоря, с неприязнью. И понять его можно было. Совсем недавно была опубликована в нашей газете разгромная статья о его журнальном варианте романа «Нечистая сила» (в журнале название было другим — «У последней черты»). Роман, как известно, о Григории Распутине. Он сказал мне: «Знаете, я критику в свой адрес не читаю. А зачем?»

Да, конечно, такую критику, какая была по указанию «инстанций» напечатана в «Правде», читать и не стоило. Пикуль рассказывал тогда о том, как жены Суслова и Брежнева самолично красным карандашом кромсали его роман. Откуда ему это было известно — не знаю. Но, видимо, что-то он об этом знал.

Я уже подготовил магнитофон для интервью, но Валентин Саввич поспешно запротестовал: «Уберите, уберите». Решили так: он спокойно, на досуге напишет обстоятельную статью на особо близкую ему тему — о патриотизме. В точно оговоренный срок статья была готова и опубликована практически без правки и сокращений, хотя материал получился острым, а

которые его замечательные миниатюры были напечатаны в газете впервые. К сожалению, гонорар за последнюю публикацию пришлось получать вдове.

После того знакомства я стал довольно часто бывать у Валентина Саввича. Под ногами, помню, крутился пес Гришка, обыкновенная лохматая дворняга, получившая кличку как раз во время написания романа «Нечистая сила». «Я подобрал его на улице, — рассказывал Валентин Саввич. — Собак люблю, но породистых заводить не буду. Они и без меня не пропадут. А эта дворняга — кому нужна, вот и подобрал».

Валентин Саввич был хлебосолом. Расставит разные угощения, уговаривает попробовать то, другое, а сам все спрашивает: «Что там на улицах делается, что нового в мире?» Любопытство это было объяснимо: работал он по ночам, днем отсыпался, ходить куда-нибудь было некогда, разве что на рынок за едой да в антиквариат, где его хорошо знали и оставляли самые редкие книги. Телевизор смотрел крайне редко. Но за современной литературой следил. Однажды поинтересовался: кого из современных отечественных писателей он особенно ценит? Пикуль назвал Малышкина (у него учился стилистическому мастерству) и Сергея Смирнова.

одна из первых его книг «Баязет». Она сразу привлекла внимание читающей общественности.

У Пикуля было много почитателей, много искренних друзей. Из разных республик привозили ему дары: кто бочонок с медом, кто клюкву. А еще очень многие писали со всех концов страны, прослышав о его богатейшей коллекции сведений о происхождении различных родословных в России. Люди просили помочь им составить генеалогическое древо. И писатель помогал. Он считал очень важным, чтобы люди знали свои корни — так интереснее, увереннее жить.

Как он работал? Сам писатель рассказывал мне, что, работая, почти что голодал — это способствует творческой активности. Зато много курил (хотя неоднократно бросал, и у меня, у гостя, тайком от жены нет-нет да и стрельнет сигарету-другую), пил очень крепкий несладкий чай. Полкомнаты устлали открытые книги — в них он отыскивал нужные документы, переписку исторических деятелей, подробности бытового характера. Помню, Валентин Саввич с торжеством показал целое собрание старинных книг по истории драгун. В другой раз зачитывал вслух редчайший документ — протокол допроса любовницы Колчака, показал ее